

* * *

Ночь прошла... Собачью перебранку
дождь сменил — не пряткий ни на грамм.
...Открывает лавку спозаранку
человек по имени Ваграм —
говорят, всем сердцем он прирос к нам.
...Сколько надо, денег положу
на прилавок, дабы тем барбосам,
что не спят, купить по лавашу.
День — открыт... Ненастье — в заголовке,
что потом — отсюда не видать,
но пока у нас и в околотке
тишь и гладь да Божья благодать.
Мой сосед с утра пустой, как бубен,
от похмелья — тяжело на душе...
Даже он жалеть Ваграма будет,
разорись тот в прах на лаваше!
Мы тут знаем: жизнь — не бакалея,
ну а сахар — даже не еда...
...Никого на свете не жалея,
выжить можно,
но — не навсегда.

* * *

...И здесь никто не помнит зла,
и верят в то, что власть — от Бога.
Но что в село, что из села —
вконец «убитая» дорога.
К селу бюджет районный крут:
необходим — иначе крышка! —

ремонт дороги, а дадут
ли денег? — Нет в кубышке лишка...
Но каждый — свой ответ припас...
Сказал отец Алексей: «Днями —
дадут. Но можно и сейчас
ходить Господними путями».

ГОЛОС

В голове — только мысли худые...
Дует ветер сомнений в дуду
беспокойства за них: ну куда я
с ними, грешными, нынче пойду?
Папироску сухими губами
шевелю (целый вечер — одну)...
Кто-то выкрикнул — за погребами,
где картошка хранится: «Ау!»
Может, кто-нибудь в поисках воли
заблудился, как ветер в лесу?
...И пошел я к источнику вопля:
может, вправду кого-то спасу.
Вышло так, что о помощи просьба
отвлекла от раздумий плохих.
Может, не заблудился, а просто
спьяну выкрикнул в ночь

и — затих?

Ну, нельзя же любить алкоголь так! —
Беспросветно здоровью дерзя...
Но... и спьяну у нас — и не только
в погребах — заблудиться нельзя.
Друг, ау!.. Словно во поле голом,
тишина —

не жилая почти...

На ТАКОЙ человеческий голос
человеку нельзя не пойти.

* * *

В нашем клубе аншлаг не всегда,
но бывает — особенно, аще
хор поет — ветеранов труда —
из старушек одних состоящий.
Как народ аплодирует! — Он
от попсовых устал «погремушек».
Говорят, сам Иосиф Кобзон
прослезился, услышав старушек.
Нет в газетах о них ни строки.
Слава Богу, бабуся — не «теле-
звезды»...

Помнится, и старики
в этом хоре заслуженно пели.

Добрим словом помянем родных
песнопевцев и души согреем! —
Вот уж год, как последний из них
поселковым отпет иереем...
Хор поет: «Нам года — не беда...»
...И подходит, как сдобное тесто,
с Божьей помощью время, когда
в этом хоре найдется мне место.

СТАРИК

Никому на нервах не пиликая,
то бишь, громких слов не говоря,
выпил за столетие Великого —
как считали раньше — Октября.
Тяжесть лет на сердце давит — ноская,
как дерюга. Все — наперечет
помнит: кровь — по матушке — поповская,
по отцу — кулацкая — течет.
Потускнели очи, как медали на
пиджаке...

Заплакал бы, да сил
нет таких...

Повторно выпил.

«Сталина
нет на вас!» — кому-то погрозил.

* * *

Автомобильным шумом с улиц
несло? — Но это было днем...
Шумел камыш, деревья гнулись
и где-то шло кино, а в нем
во всех ковбой палил из кольта? —
В таком-то доме (например,
вон в том), на улице такой-то
не мог заснуть пенсионер.
Звучала мысль —

одна лишь —

остро:

с годами — все короче дни,
и каждый новый — точно остров,
не обитаемый людьми.

* * *

Голый тополь мерзнет в гордой позе
Аполлона, свет парит дневной —
тусклый, точно шапка на морозе —
из ондатры, крысы водяной.

Что ж в мороз мне дома не сидится?
Сдобный снег всамделишной красы
по кустам сугробится,
девица
проплывает — в шубе из лисы.
Будет и морозней, а покуда
местным жизнь в поселке — не отлуп:
греет всех,
как дворника Махмуда
офицерский дедушкин тулуп.
Мир вам, одиноким и семейным!
Ни к чему нам громких улиц прыть...
А тепло... Так мы его сумеем
надышать всегда — наговорить.

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель — дед Матвей —
поет настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!
Играет с чувством он (сноровка
осталась), радуя народ.
В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперед,
нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и дужил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

Мирославу Бакулину

Размахнулся — живу в двух столетиях: мало ли
нас широких таких — из петров да емель...
Нынче осень: закаты смиренные
алыми
языками хлебают
дорожный кисель.
Согрешу, если дни назову нехорошими
потому, что царит
дождевая тоска.
Потому и живем, что грехи наши брошены
в море милости Божией горстью песка.
не написать...